

ПРЕМИИ Hugo и Nebula

БРАЙАН ОЛДИСС

ПТИЦЫ МАРСА

Брайан Олдисс – один из величайших и самых лучших писателей НФ, когда-либо рождавшихся в Англии.

Иен М. Бэнкс

Брайан Уилсон Олдисс
Птицы Марса
Серия «Сны разума»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6890023
Птицы Марса: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-083018-3

Аннотация

Итак, свершилось!

Человечество, профинансированное Соединенными Университетами Мира, основало на Марсе колонию.

Шесть башен, заселенных по лингвистическому принципу.

Несколько тысяч человек из разных стран, твердо намеренных сделать эту негостеприимную планету своим домом.

В условиях дефицита воды и воздуха, при строжайшей дисциплине выжить могут только самые отважные, беззаветно преданные идее строительства нового мира.

Трудности? Ну и что!

Испытания? Не страшно!

Однако за десять прошедших лет на Марсе не родилось ни одного живого ребенка...

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	19
5	22
6	26
7	28
8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Брайан Олдисс

Птицы Марса

*Моим внукам из будущего
Лоренсу и Томасу
(Томас первым прочел этот трактат),
а также Джейсону, и Максу, и Бену,
ну и, конечно же, Арчи — с любовью от автора*

«Тот, кто, прочтя великое произведение сэра Чарлза Лайелля “Принципы геологии”, который будущий историк признает как совершившее революцию в естественных науках, все же не захочет допустить всю громадность истекших периодов времени, пусть тотчас же закроет этот том».

Чарлз Дарвин

«О происхождении видов путем естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь»

Ваша гипотеза о влиянии гравитации на развитие человеческого эмбриона просто поразительна; она чрезвычайно меня заинтересовала...

В теории эмбрионального развития имеется обширный пласт данных о той важной роли, которую деформирующие физические воздействия играют в процессе роста плода, тем самым давая все основания считать вашу гипотезу «облегченной гравитации» вполне правдоподобной (не говоря уже о ее оригинальности). Более того, ничуть не менее интересным представляется влияние измененной силы тяжести на работу сердца и кровотоков, тем более что плод не столь хорошо «оснащен» по сравнению с матерью.

Таким образом, вполне состоятелен вывод о том, что плодам с пороками развития грозит риск внутриутробной смерти или мертворождения.

Профессор Франк Маннинг,

отделение патологии беременности, Нью-йоркский медицинский колледж

Эта книга найдет чем порадовать тех, кто предпочитает гипотетичность взамен той вещи, что именуется реальностью — которая в их глазах до того прискорбна, что они порой требуют невозможного. А вот оптимисты, сетующие на недостатки текущего бытия, вполне могут надеяться на улучшение дел в будущем, в частности, среди безвоздушных марсианских пустынь, описанных ниже.

1

Мир без морей

К Марсу не подходит слово «пейзаж». Здесь скорее годится слово «панорама».

Итак, панорама была пронизана скромным драматизмом. Вулканы в этой части Фарсиды невелики и беспорядочно разбросаны. Место для поселения на Фарсидском щите выбрали за доступ к подземным источникам воды и относительно малые перепады высот. На восток тянулась короткая, хорошо утоптанная тропинка. По ней плечом к плечу шли мужчина и женщина, высоко подбрасывая колени из-за уменьшенной силы тяжести. На них были многослойные, толстые комбинезоны и дыхательные маски, коль скоро они находились вне атмосферной границы поселка.

Эта прогулка, сама по себе вполне примечательная, явилась следствием непростых событий и мероприятий, которые, в свою очередь, были вдохновлены открытиями марсохода «Кьюриосити», сделанными в 2012 от Р.Х. — когда ни одного из этих новых марсиан не было еще и в проекте.

Роой и Айми совершали свой ежедневный моцион. Здесь, в аскетическом лоне бесплодной планеты, они обнаружили то, чего никак не могли отыскать доселе. Отсутствие воздуха, стопроцентную видимость, ясность зрения и ума, марсианскую оранжево-серую стерильность. Темнокожая, острая на язычок Айми любила называть Марс физическим проявлением системы жизнеобеспечения подсознательного.

Их окружал великий простор мира без морей. Та вода, что здесь имелась, текла невидимо, под землей. Как всегда, новые марсиане продолжали свой путь, пока из-за горизонта, будто проблеск разума, не показалась макушка горы Олимп.

Сейчас они находились между двумя потухшими вулканами — Павлином на севере и Арсией к югу, причем до морщинистого подножия Павлина было рукой подать. В одной из здешних трещин обнаружилась крошечная колония сине-зеленых водорослей, что скрасило прогулку. Молодые люди решили, что это свидетельство древнего подземного русла.

Продвижение было небыстрым: левую голень Рооя покрывал гипс, чтобы не тревожить место перелома.

Маленький шарик Фобоса, взошедший на западе, сейчас стоял над Щитом, но его не было видно из-за ветра, поднявшего мельчайший песок. Далекая звезда Солнце, висевшая низко над горизонтом, заливала окрестности тусклым золотом.

— Меня беспокоит наше радостное настроение, — пожаловалась Айми. — А вдруг нас тянет сюда какая-то странная сила? Или мы вообще не здесь, а сидим где-то и галлюцинируем? Сам знаешь, какая тут тоскливая реальность.

— Да не только тут, — фыркнув, отозвался Роой.

На Земле один из скримеров провел опрос насчет шести марсианских башен, и вот что получилось:

КИТАЙСКАЯ: САМАЯ ИСКУСНАЯ
ЗАПАДНАЯ: САМАЯ ЭРУДИРОВАННАЯ
РУССОВОСТОЧНАЯ: САМАЯ АРТИСТИЧНАЯ
СИНГАТАЙСКАЯ: САМАЯ ЭКСКЛЮЗИВНАЯ
СКАНДСКАЯ: САМАЯ СПАРТАНСКАЯ
ЗЮЙДАМЕРСКАЯ: САМАЯ ЭКЗОТИЧНАЯ

— Может, есть что-то в выдумках по ходу дела, — заметила Айми. — Откуда им вообще известно, как тут живется?

— Хорошо еще, мы до сих пор в новостях, пусть и высосанных из пальца.

— Лучше уж во вставных номерах.

— А я вот каждое утро глаза открываю и восторгаюсь, — сообщил Роой.

— А потом ложишься каждый вечер и храпишь.

— Знаешь, в двадцатом веке был такой писатель, он как-то сказал: «Смейся — и весь мир будет смеяться вместе с тобой; храпи — и будешь храпеть в одиночестве».

— Энтони Берджесс¹. Ты уже рассказывал.

Повисло молчание. Было что-то в окружающей панораме, что требовало тишины. Кому-то это казалось подозрительным, кто-то этим восторгался — пусть и сам не понимал, чем именно.

Первым не выдержал Роой.

— Знаешь, чего мне больше всего не хватает? — спросил он. — Раджастана.

— Раджастан! — воскликнула Айми. Она сама родилась там, в семье индусов привилегированной касты. — А вот мне Фарсида его чем-то напоминает. Местами.

Она имела в виду лишь песчаные пустоши Раджастана, где на глаза попадетя разве что заплутавший козел. И речи не могло быть о плодородных долинах, где олени устраивают гон в сени акаций.

Впереди высился могучий силуэт Западной башни. Впрочем, она не стояла одиноким перстом. Все шесть башен были возведены в пределах прямой видимости: не так уж скученно, чтобы создать иллюзию некой «общности», но, во всяком случае, достаточно близко друг к дружке, чтобы их можно было принять за своего рода «декларацию о намерениях» — вот, дескать, человечество наконец-то сюда пожаловало и теперь пытается стать нечто большим, нежели глас вопиющего в пустыне.

Кстати, о голосах. СУ — Соединенные Университеты — создали каждое поселение не на политической, а на лингвистической основе.

В подземелья Западной башни вели трубы, подававшие воду, которую с год тому назад разведала поисковая партия под кодовым названием операция «Горизонт». Пары метана, истекавшие сквозь трещины планетарной коры, теперь улавливались и шли на кухонные и обогревательные нужды. Что сами башни, что марсианский проект в целом со всем своим хозяйством финансировались из средств СУ. Быт колонистов, таким образом, в полной мере зависел от щедрости землян.

Щедрость. Еще одна переменная в нескончаемой борьбе за власть на старушке Терра: краник, который запросто перекрыть.

Поглядывая на серую башню, Роой проворчал:

— И снова здравствуй, жизнь подземная... — Он был механиком и подавляющую часть времени проводил ниже поверхности грунта.

Оказавшись внутри зоны воздушной локализации, Роой с Айми смогли наконец снять маски и дышать без них, пусть и неглубоко. Через год-два — ну может, три — скромная подкупольная атмосфера достигнет нормальных показателей. Все шесть башен стояли внутри этой зоны, накрытые колоссальной чашей, чьи сегменты соединялись фрикционной сваркой. Местный воздух состоял по большей части из азота, куда подмешали 21,15 % кислорода. Периферийные уплотнения почти полностью удерживали атмосферу внутри, но все равно лишь немногие колонисты отваживались подолгу находиться вне башен без дыхательных масок.

Вбивая код, Айми заметила:

— И опять нам нужно новое слово. «Подземный» на Марсе не годится.

---

¹ Неточная цитата, должно быть: «...храпи — и будешь спать в одиночестве». В свою очередь, Берджесс обыграл высказывание американской поэтессы Эллы Уилкокс (1850–1919): «Смейся — и весь мир будет смеяться вместе с тобой; плачь — и будешь плакать в одиночестве». — *Здесь и далее примеч. пер., если не оговорено иного.*

Шлюз открыл смотритель по имени Фипп; нахмурившись, он знаками приказал молодым людям поторапливаться. Должность начальника досмотрового тамбура при воздушном шлюзе считалась очень ответственной. Прежде чем впустить кого-либо внутрь, автоматические экспресс-анализаторы проверяли кровь, пульс и зрение, что чем-то напоминало блок-пост в зоне боев.

На все про все уходило пятьдесят пять секунд, если, конечно, автоматика не решала, что требуется вмешательство человека и, может статься, даже лечение. Впрочем, широкие массы колонистов презирали эту разумную предосторожность. Презирали, хотя Марс накладывал свои собственные ограничения на ход времени. Взявшись за руки, Айми и Роой ждали открытия шлюза.

2 Свобода

— «Sub specie aeternitatis»² — это мы, — сказала Ноэль, занимавшая выборную должность коменданта Западной башни. — Хорошо еще, что этой «aeternitatis» кругом сколько угодно. Наша функция: заполнять — что? — пустоту. И обсуждать те абстрактно-жизненно-важные вопросы, которыми человечество задается... м-м... в общем, с того дня, когда с четвертичного дерева свалился первый крошка гуманоид. Итак, кто желает начать?

Женщина, которую земной компьютер наделил именем Шия, спросила:

— Так мы кто, Ноэль: элита или отребье?

Комендант надломила изящную бровь.

— Я предпочитаю называть нас элитой.

— Вот мы расположились на Фарсидском щите, набившись в шесть башен. Ах, как мы гордились, что попали в круг избранных... Но в самом ли деле это такая уж честь? Может, нас попросту вывезли сюда, чтобы мы не лезли в гнусности, которые затевают на Земле?

— Вопрос риторический, и задаваться им смысла не имеет, — последовал ответ. Ноэль говорила намеренно легким, небрежным тоном, зная, через что Шии придется пройти во время беременности.

* * *

Перспективы мудрого и спокойного земного будущего рассыпались как карточный домик под ударами судьбы и исторических случайностей. Лишь изредка встречается страна, живущая в мире с собой и с соседями. Преследование счастья — занятие само по себе не такое уж и благородное — в общем и целом уступило место жажде разгула и смертоубийства. На свет явились оголтелые и мстительные нации, кишачие безграмотными рабами из ветхозаветных писаний.

Чем сварливее нация, тем примитивнее ее проповеди.

Порой наталкиваешься на страну, где царит вроде бы тишь да гладь, — в своем большинстве это полицейские государства, где несогласие безжалостно подавляется, и лишь у самой верхушки есть некое подобие свободы передвижения.

На планете Марс все иначе.

С другой стороны, Марс не перенаселен.

* * *

Людскую колонию на Марсе не обошли стороной людские напасти. Но здесь в кои-то веки победило благоразумие — может, оттого, что у местных башен невелика численность жителей, которых к тому же тщательно просеяли.

По ночам, лежа в постели, Ноэль всегда вспоминает великого Мангальяна.

Те избранные, что поселились на Щите, должны либо преуспеть, либо сгинуть. Они подписали договор и уже никогда не вернуться на планету, с которой — то ли во имя прогресса, то ли в поисках приключений — они самих себя отправили в ссылку.

---

² Игра слов. При точном переводе с латыни это выражение означает «с точки зрения вечности». С другой стороны, для англоговорящего читателя оно звучит почти как «вечный подвид».

Здесь, на Марсе, есть множество мелких ограничений. Скажем, все подлежит повторной утилизации, даже человеческие экскременты. Или, например, домашним любимцам в башнях не место. Психотропные субстанции недоступны, и даже если их как-то раздобудешь, то употребление категорически запрещено.

Вполне возможно, что марсианский проект своей стабильностью обязан нехватке кислорода и увеличенному расстоянию до непредсказуемого Солнца. Психология здешних ссыльных, как мы с вами увидим, вышла из-под гнета веры в диктат непостижимого Бога.

3

Замысел Мангаляна

Оказаться на Марсе...

Этот едва ли не эволюционный скачок обязан своим существованием небольшой группе просвещенных мужчин и женщин. Последовав совету выдающегося Герберта ибн Сауд Мангаляна, учебно-научные институты развитого мира объединились в конце прошлого столетия в рамках хартии, которая, по сути, возвестила о создании могучей корпорации мудрецов, а именно Соединенных Университетов. Первым делом СУ отправили к нашему планетарному соседу парочку гидрологов.

Распутная юность Мангаляна³ прошла в Сан-Сальвадоре, островном государстве поблизости от Кубы, где он помог нескольким женщинам обзавестись детьми. Его вдохновлял божественный наказ «раститесь и множитесь». Лишь после официальной женитьбы на Бет Гал — оба с радостью предались этой устаревшей церемонии — он сам себя перевоспитал под влиянием ее очаровательного, но несговорчивого характера. На некоторое время они с Бет прервали всяческие контакты с окружающими. Занимались чтением и самообразованием, вели увлекательную жизнь затворников.

Сообща написали книгу, имевшую масштабнейшие последствия. Называлась она «Неустановившийся режим, или Начнем все заново»⁴. Согласно обычаям той эпохи, в произведение были встроены видеофильм и несколько скримерных снимков. Авторы утверждали, что живущее на Земле человечество обречено на гибель. Единственный выход — отправить лучших из лучших туда, где они смогут приложить все усилия ради создания цивилизации в истинном смысле этого слова. Скажем, на Марс и так далее. Мысль, рассчитанная в первую очередь на сенсационный эффект, но оттого не менее убедительная.

Заявление взбудоражило немало западных умов и привело в ярость еще большее число обитателей Ближнего Востока, как оно, собственно, и бывает, стоит только сказать правду в глаза. Широкая общественность обратила свой взор на Мангаляна.

Это был приятный молодой человек, рослый, подтянутый, с гривой иссиня-черных волос — и несомненным даром трепать языком.

* * *

Впрочем, по-настоящему люди взялись читать его книжку, а сам он прославился лишь после знаменитой сентенции: «Ни легких, ни пенисов не сосчитаешь. Да у нас скорее кислород кончится, чем семенная жидкость!» В ходе одного из интервью Мангалян пояснил: «Сперма всегда в моде».

«Симпатия» — именно так многие выражали на своих разнообразнейших наречиях восхищение Мангаляном и черную к нему зависть. Взяв его книгу за источник вдохновения и руководство к действию, горстка интеллектуалов предприняла попытку объединить вузы, сочтя это первым шагом на пути к новой, удаленной цивилизации. Не приходилось сомневаться, что Мангалян был первейшим и важнейшим пропагандистом слияния в СУ.

Хотя многим эта идея пришлась по вкусу, отыскалось ничуть не меньше тех — в основном из числа старожилков трущоб, трейлерных поселков и районов для малоимущих, — кто пришел в бешенство от заложенной в эту концепцию идеи элитаризма.

---

³ Между прочим, на санскрите «мангаляна» дословно означает «марсианская колесница».

⁴ Краткий обзор этого труда приведен в конце данного текста. — *Примеч. авт.*

Пришлось юному Мангальяну, не обремененному университетским дипломом, стать главой — правда, номинальной — вновь сформированных СУ. Он отлично понимал, что каким бы ярким светилом ни взойшло всеобщее внимание, интерес толпы быстро закатывается за горизонт. Приехав по приглашению в Англию, он созвал представителей трех ведущих вузов и обрушил на них ворох проблем, связанных с объединением.

— Всякий знает, что ваша нация без ума от футбола, но QPR и QED⁵ вовсе не обречены на антагонизм. Мяч в сетке — вещь замечательная, однако набрасывать сеть на новые факты ничем не хуже.

Он излагал поверхностно и тем не менее заработал себе выигрышное очко. Три первых вуза подняли порфирно-голубой флаг СУ.

Впрочем, кто-то из политиков-лефтистов не преминул заметить: «Слова подыскивает Оксфорд, зато деньги дает Китай...» И то правда, пусть об этом не любят говорить, что нынче проекты НАСА держатся на плаву благодаря пекинской валюте; маловероятно, чтобы в случае СУ хоть что-то изменилось.

Понукаемые юным импресарио по имени Мангальян, многие вузы согласились присоединиться к первой тройке, создав нечто вроде государства-общины новых эрудитов-олимпийцев. Мангальян заговорил о колонизации Марса. «МАРС, — заявил он, — означает Место Абсолютно Разумного Совершенства». Кто-то рассмеялся, кто-то показал язык, но колесики наконец закрутились.

Еще до того как университеты поставили свои подписи на бумажках объединяющего договора, на Марс был выслан дуэт исследователей-разведчиков. Поверхность планеты уже давно сняли на пленку, но вот ступить на нее пока что никому не довелось.

Разведгруппа операция «Горизонт» состояла из двух мужчин и робокара. При всей своей скромности эта экспедиция была тем фундаментом, на котором строилось будущее марсианского предприятия в целом. Если удастся обнаружить воду, да еще в достаточном количестве, то проекту дадут отмашку; в противном случае великая инициатива СУ пойдет ко дну с той же неизбежностью, что и «Титаник». Все зависело от двух знатоков-гидрологов и новомодного робокара-марсохода.

С этим механическим выючным мулом можно было общаться голосом через скример на дальности до одного километра. Он нес на себе снаряжение. Кроме того, робокар укрывал людей от холода на период сна, а также позволял заправить баллоны кислородом.

Пока мудрецы-электронщики и юноши с инженерными дипломами и горящими глазами колдовали над марсоходом, всюду шел отбор гидрологов. Удача улыбнулась пятидесятишестилетнему Роберту Прествику и шестидесятиоднолетнему Генри Симпсону, который прославился проектом лунного купола. Прествик обладал мясистой фигурой и выбритым до синевы подбородком. Симпсон отличался не столь мощным телосложением и был на голову ниже своего товарища. А про марсоход я уже намекал, что он был с иголочки.

Гидрологи были знакомы вот уже лет тридцать, порой сообща трудясь над разными проектами. Впервые они встретились в Чили, на Паранальской обсерватории, которая некоторое время страдала от наводнений. Сейчас они шутили: дескать, смотри-ка, теперь гидрологов решили бросить на безводную планету...

* * *

Поначалу все именно так и выглядело. Первым делом разведчики выполнили гидрологическую съемку самой выдающейся черты марсианского ландшафта, а именно так назы-

---

⁵ Футбольный клуб «Куинз парк рейнджers» и *quad erat demonstrandum*, «что и требовалось доказать», традиционная латинская формула, завершающая доказательство. — *Примеч. авт.*

ваемых долин Маринера — колоссальной раны глубиной в одну и протяженностью чуть ли не две тысячи миль. Завывающие ветра, мчавшиеся по колоссальной расщелине с востока на запад, несли с собой песчаные бури. Эта неприветливая местность заставила людей обратить взор к северу, на куда более перспективную область. Робокар доставил группу к Фарсидскому щиту, что лежал к югу от древнего исполина, потухшего вулкана Олимп, чей тезка некогда считался обителью богов. Если разведка увенчается успехом, путь на Марс будет заказан любому, кто верит в Бога.

* * *

— Дома такое увидишь разве что в декабре, где-нибудь полпятого вечера. Стало быть, у нас тут полночь, — неодобрительно буркнул Генри Симпсон на сгустившиеся сумерки.

— Не ворчи, — отозвался Прествик. — Бог по крайней мере дал нам эту планету, чтоб мы ее употребили на пользу... Стой! Кажется, унюхали воду!

Он ткнул рукой в дисплей, и его настроение полностью переменялось. Робокар шел медленно; на его мониторе змеилась зеленая мерцающая жилка. Группа остановилась для углубленной проверки.

— Девять и четыре десятых фута под землей.

Прествик на миг задумался, на что была бы похожа жизнь, если здесь поселиться. Ему уже приходилось бывать в крайне неудобных местах на родной планете. А тут как раз ничего и нет, кроме унылой пустыни, хоть с водой, хоть без...

Приблизился Симпсон, уставился на монитор поверх плеча своего коллеги.

— Ага, неплохо! Чем ближе к поверхности, тем лучше, но она не должна быть льдом.

При очередном проходе зеленые галочки слились в сплошную полоску. Полоска начала бледнеть, а потом и вовсе пропала. Симпсон почесал в затылке.

— Вышли за границу простираения, — произнес он на удивление спокойным тоном.

Затормозив, Прествик деловито предложил:

— Ну что, двинемся назад?

К обоим гидрологам вернулась привычная невозмутимость.

— Не спеши... Тут что-то...

Симпсон наморщил лоб. Ему показалось, что доносится еле слышный гул и какое-то капанье, словно из подтекающего крана. Шумы исчезли, затем вернулись, причем на сей раз капало громче.

— Определенно здесь что-то есть. Вероятно, вода. — Симпсон поежился: звуки к себе не очень-то располагали. — Не лошадь же мочится по соседству, в самом деле, — кисло добавил он.

Сейчас и у Прествика лоб собрался в складки. Переглянувшись с напарником, он скривился. Оба отлично понимали, что заброшены на недружелюбную планету, а это открытие автоматически продлевает срок их командировки. Обидно: еще бы с недельку бесплодных поисков, и они уже мчались бы домой. Как раз к Рождеству. Увы, теперь грозит переработка, пусть и очень хорошо оплачиваемая.

— Поддай-ка вперед, — обратился Симпсон к марсоходу. — Только потихоньку, понял?

Хрустя щебнем, они поползли дальше, не сводя взгляд с монитора. На экран опять вдруг выскочила зеленая полоска, раздалась в ширине. От нее ответвилась тонкая жилка, уходившая за край изображения. Изменился и звук: сейчас к нему подмешивалось гудение, будто кто-то немзыкально мычал себе под нос.

Полоска расширилась еще больше, напоминая вену.

— Сколько до зеркала? — спросил Симпсон.

— До-верхней-границы-эхосигнала-девятнадцать-запятая-девять-футов, — бесстрастно откликнулся робот.

Гидролог вздохнул.

— А до дна?

— До-нижней-границы-эхосигнала-двадцать-восемь... поправка... двадцать-девять-футов.

Напарники переглянулись.

— Целое озеро? Неплохо.

— Только не забудь пометить, а закартографировать подробнее еще успеем.

Они выбрались наружу и стояли с подветренной стороны вездехода, пока тот устанавливал цветной маркер с внутренней кодировкой, которую мог считывать любой другой робот, если, конечно, он тут хоть когда-нибудь появится.

Безрадостная мысль. И вообще вся эта экспедиция сплошная тоска. Должно быть, здесь так и останется пустыня на веки вечные. Симпсона передернуло.

Гидрологи приступили к трассировке. Когда карта была готова, на разведчиков смотрело пятно в форме паука, от озера-живота которого тянулись многочисленные лапки. Разведчики не испытали ни радости, ни огорчения. Они просто решили устроить привал.

— Мы с тобой уже не первой молодости — даже ты, — вздохнул Прествик.

— Шутить изволите.

* * *

Втиснуться в узкие карманы лежачков было нелегко, тем более что спать приходилось, в чем были одеты: в утепленных комбинезонах, с дыхательными масками и сапогами. Симпсон вылез наружу и, привстав на цыпочки, заглянул поверх крыши вездехода. Марс походил на старинную черно-белую иллюстрацию, одну из тех, что печатали в давно отмерших бумажных газетах начала двадцатого века. Там и сям торчали немногочисленные загадочно-угрожающие силуэты непонятно чего — эмблемы некоего космического беспорядка. В нескольких шагах от Симпсона стояла его жена Кати.

Он было окликнул ее, однако звук замер, не долетев. Чем ближе Симпсон придвигался, тем большим свинцом наливались ноги. Над макушкой мельтешило что-то белое, но голова отказывалась смотреть вверх.

— Бог ты мой, до чего здесь гладко... — Ему хотелось сказать «гадко», но не получилось. — Фсе ижжа главитации, — пояснил он сам себе. — Убы одлябли.

Где-то впереди торчала гора Олимп. Как титька. Как у жены.

— Кати! — крикнул он. В нарушение законов перспективы она отдалялась с каждым его шагом. Голова будто перевернутая сосулька. Без лица. На плечах плащ с длинным шлейфом. Симпсон пустился бегом. — Постой! Постой!

А она и не думала двигаться. Просто стояла и таяла.

На месте Кати высился ледяной палец-«монах». Скалистый шпиль, закутанный в многослойную мантию из инея. Вещь негодная для любви, разве что для ненависти.

— О-о, не надо так... — взмолился Симпсон.

Мир был пуст. В зените висела крошечная далекая искорка.

— Ужас по имени Деймос... — Симпсон перешел на шепот. Он подписался на все это предприятие, лишь бы убежать от собственного одиночества, что нахлынуло после смерти жены. А в результате? Да здесь вся планета гудит эхом одиночества...

Его жена уже никогда не ступит на Марс. Об этом месте и сам Господь не слыхивал. Вот почему оно оставалось незанятым и нежеланным. «Продам в хорошие руки». Симпсон рухнул на колени.

Словами не выразить, насколько перевернулось все его существование со смертью Кати.

Он лежал, застигнутый своего рода параличом. Глупо утверждать, что он не горевал по ней. И точно так же будет глупо умолчать, до чего... интереснее... стало жить.

А что, если это и впрямь была Кати? Что, если это *он* сейчас умирает? На снежном смертном одре...

Над ним склонялся Прествик. Донеслось озабоченное:

— Дружище, что с тобой?

Симпсон пришел в себя — будто всплыл из пучин океана.

— Приснится же такое... Что за жуткое местечко — Марс! С какой стати кому-то вообще захочется тут жить? Как на кладбище, честное слово!

Прествик объяснил, что его коллега издавал во сне странные звуки, и посоветовал принимать на одну снотворную пилюлю больше, после чего вообще сменил тему.

— Помнишь, в свое время астрономы считали, будто за орбитой Плутона есть еще одна крупная планета? Потом они заявили: мол, нет там ничего, хотя позже обнаружилась Эрида. Вот к ней теперь и устремятся. Она лежит за поясом Койпера.

Симпсон ничего не понял; в голове по-прежнему бултыхалась жижа сновидения.

— Господи, с каким удовольствием я бы сейчас выпил... Этим сволочам что, жалко было дать нам в дорогу бутылочку рома?

— А-а, так ведь ром стоит денег. И нас сюда заслали не пьянствовать.

— Я бы этих трезвенников...

Наступила мрачная тишина, пока Прествик не нажал наконец кнопку на панели:

— Робот, пару чашек кофе.

— Одну-минуту.

Когда Прествик заговорил вновь, его голос звучал не столь уверенно:

— За эту работу нам платят хорошо, спору нет. Я, к примеру, до сих пор рассчитываюсь с колледжами за обучение сыновей. С другой стороны, у нынешнего задания есть очень неприятные особенности. Если этот СУ-проект выгорит, религию поставят вне закона по всей планете. Понаедут сплошные атеисты.

— Да плевать. Пусть хоть черту сбегут этот Марс.

Престон присел на лежаке, обхватив руками колени.

— Не скажи. Я серьезно. Понимаешь, с годами начинаешь смотреть на вещи глубже. Потребности, сожаления, желания... То, как работает импрессионный участок мозга... Я по молодости только и был озабочен, как бы с кем-то переспать. Помнишь ту работу в Чили? Я тогда подцепил... а может, это она меня подцепила?.. В общем, была такая Кармен. Я-то думал, развлечемся ночку да разбежимся, а оно возьми и затянись... Странная это вещь. То были сами по себе, а то вдруг вместе, да еще как... Она так мило умела смеяться... — Престон задумчиво умолк. «А ведь еще никто и никогда не смеялся на Марсе». — Кармен! Помнится, до ее дома добирались на древнем автобусе. Она держала меня за руку, ладонь шершавая. А у меня гладкая-прегладкая — встреча двух миров, — даже неудобно стало. Все заморское брало за душу. Хлебом не корми, дай только отыметь кого-то из местных... Она жила в маленьком поселке под Сантьяго. В город подалась на время; услышала, мол, туристы-иностранцы при деньгах, вот и решила слегка подзаработать, ерзя на спине. Так оно и вышло. Но знаешь, ее дом... Господи, я и не думал, что на свете бывает такая нищета. Она жила в лачуге, а сбоку типа навеса... как бы сарай, что ли, с крышей из жестяной гофры, где держали осла с тележкой...

— Ты мне все уши прожужжал своими ненаписанными мемуарами! — насмешливо отозвался Симпсон. — Хорошо еще, не про хронический запор и боль в гонадах, как прошлый раз. Извращенец.